

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Русские войска в армии монголов

А. В. Майоров

Для цитирования: *Майоров А.В.* Русские войска в армии монголов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 3. С. 548–565.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.301>

Создавая мировую империю, Чингисхан и его наследники выработали мобилизационные механизмы, которые позволяли удовлетворять растущие потребности в материальных и человеческих ресурсах, необходимых для этого грандиозного предприятия. Мобилизация иностранных контингентов и в особенности опытных военачальников стала постоянной практикой монголов. Ее многочисленные следы фиксируются как на Востоке, так и на Западе Евразии, в том числе в Восточной Европе и на Руси. Среди всех завоеванных или подчиненных народов, как кочевых, так и оседлых, монголы проводили мобилизацию боеспособных мужчин и формировали из них ударные части своей армии, использовавшиеся на самых опасных участках боевых действий. Русские летописи не содержат сведений о мобилизации жителей русских земель и городов в монгольскую армию. В русских источниках также нет сведений об участии на стороне монголов русских вспомогательных войск в период Великого западного похода. Однако такие сведения предоставляют западные латиноязычные источники, в том числе синхронные монгольскому нашествию на Польшу и Венгрию и происходящие с территории этих стран. Сообщения Рогерия Апулийского и Фомы Сплитского, как и более поздний рассказ Яна Длугоша, подтверждают друг друга. Они подтверждают также показаниями других источников середины XIII в., сохранившихся в качестве

Александр Вячеславович Майоров — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0001-8212-7467>, a.majorov@spbu.ru

Alexander V. Maiorov — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-8212-7467>, a.majorov@spbu.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научной работы «Отложенный план завоевания мира: монголы и Запад, 1219–1260 (Русь, Центральная Европа, Ближний Восток)», проект № 21-18-00166.

The study was supported by the Russian Science Foundation within the framework of the academic research project “Postponed World Conquest: The Mongols and the West, 1219–1260 (Rus’, Central Europe, Middle East)”, project no. 21-18-00166.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

приложений к «Великой хронике» Матвея Парижского. Одни западные современники и очевидцы монгольского вторжения предпочитали говорить о своих восточно-христианских соседях, присоединившихся к завоевателям, в духе апокалиптических предчувствий, вызванных монгольским нашествием. Другие современники прямо указывали на русских, игравших заметную роль в боевых действиях в Центральной Европе. Наряду с половцами русские, несомненно, составляли значительную часть вспомогательных контингентов, которые по своей общей численности были сопоставимы с численностью основных монгольских армий или даже превышали ее.

Ключевые слова: Западный поход монголов, Рогерий Апулийский, Фома Сплитский, Ян Длугош, вспомогательные войска.

Troops of Rus' in the Mongol Army

A. V. Maiorov

For citation: Maiorov A. V. Troops of Rus' in the Mongol Army. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 3, pp. 548–565. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.301> (In Russian)

Creating a world empire, Chinggis Khan and his heirs developed mechanisms of mobilization that made it possible to satisfy the growing needs for material and human resources necessary for this grandiose enterprise. The recruitment of foreign specialists and, in particular, experienced military leaders became a constant practice of the Mongols. Its numerous traces are recorded both in the east and in the west of Eurasia, including Eastern Europe and Rus'. The Mongols mobilized combat-capable men among all conquered or subjugated peoples, both nomadic and sedentary, for the formation of shock units of their army used in the most dangerous areas of hostilities. Rus' chronicles do not contain information about the mobilization of inhabitants of Rus' lands and cities into the Mongol army. Rus' sources also contain no information about the participation of the auxiliary troops of Rus' on the side of the Mongols during the Great Western Campaign. However, such information is provided by Western Latin-language sources, including those synchronous with the Mongol invasion of Poland and Hungary and originating from the territory of these countries. The reports of Rogerius of Apulia and Thomas of Split, as well as the later account of Jan Długosz, corroborate each other. They are also confirmed by the testimony of other sources from the mid-13th century. Along with the Cumans, the Russians undoubtedly formed a significant part of the auxiliary contingents, which in their total strength were comparable to or even exceeded the size of the main Mongol armies.

Keywords: Western campaign of the Mongols, Rogerius of Apulia, Thomas of Split, Jan Długosz, auxiliary troops.

Монгольские завоевания не были делом одних только монголов. В них участвовало огромное количество представителей самых разных народов и государств, вольно или невольно служивших главной цели имперского проекта Чингисхана, предполагавшего подчинение мира и создание универсальной империи. Достижение такой цели требовало огромных усилий по мобилизации людских и материальных ресурсов. Мобилизацию можно объяснить прежде всего демографическими причинами. Во времена Чингисхана общая численность населения Монголии не превышала 700 тыс. человек¹, и этот демографический баланс означал, что для про-

¹ См.: Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татари-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 394.

должения завоеваний и создания мировой империи монголы должны были максимально широко использовать ресурсы уже завоеванных и подчиненных народов. Не меньшее значение при этом имело наличие у вновь завоеванных народов и их элит военных и административных компетенций, которыми сами монголы в должной мере не обладали и которые были необходимы для продолжения завоеваний и управления расширяющейся империей².

Ранее нам уже приходилось писать об эффективных завоевательных технологиях, выработанных или приобретенных монголами во время подчинения Северного Китая, Средней Азии, Ирана и Кавказа, которые они несли с собой далее на запад и использовали в ходе новых завоеваний в Восточной Европе. Речь идет о различных приемах и средствах военной стратегии и тактики, логистики, а также вооружении и военно-технических средствах, успешно использовавшихся на Руси, в частности при осаде и штурме русских городов³.

Однако в арсенале завоевателей были не только военные средства и технологии, самые передовые для своего времени. Не менее важную роль в общей завоевательной стратегии монголов играли мобилизационные технологии, предполагавшие широкое использование ресурсов подчиненных стран и народов для новых завоеваний. Учету и мобилизации подлежали как людские ресурсы, так и материальные, включая финансовые⁴.

Прежде всего монголы заботились о постоянном пополнении своих ударных армий новыми вспомогательными частями, набранными из боеспособных жителей вновь завоеванных стран и регионов и используемых на самых опасных направлениях атаки, в частности при штурме городских укреплений.

Хотя конные лучники, представлявшие главным образом кочевое население империи, были ее основной боевой силой, монголы также систематически набирали войска среди некочевых народов. Томас Оллсен предлагает обозначать такие войска термином «чериг» или «церик» (тюрк. *çärig*; монг. *čerik* — «солдат, воин» или «армия, войско»). Заимствованный из древнетюркского, этот термин сохраняется в монгольском языке до настоящего времени со значением «солдат»⁵.

Вспомогательные силы, укомплектованные оседлыми подданными монголов, упоминаются в средневековых персидских источниках как *чериг* (*cherig*, *charik*), и это название используется чтобы отличить их от монгольских и тюркских войск⁶. Однако в монгольских источниках *чериг* имеет общее значение «армия» или «войско», вне зависимости от того, из каких народов оно было сформировано. По-видимому, монголы не делали принципиального различия между основными и вспомога-

² См.: *Biran M.* Introduction // *Asiatische Studien — Études Asiatiques*. 2017. Vol. 71, no. 4. P. 1051–1057.

³ См.: *Maivorov A. V.*: 1) *The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions // Journal of Slavic Military Studies*. 2016. Vol. 29, no. 3. P. 473–499; 2) *The Mongol Conquest of Rus' // The Mongol World*. London; New York, 2022. P. 164–182.

⁴ См.: *Майоров А. В.* Русские земли в фискальной политике хана Мунке // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2022. Т. 67, вып. 4. С. 1033–1046.

⁵ *Allsen T.* *Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley; Los Angeles, 1987. P. 192–193.

⁶ *Ala-ad-Din Ata-Melik Juvaini.* *Genghis Khan. The History of the World Conqueror / transl. by J. A. Boyle*. Manchester, 1997. P. 97, 465. — Об особенностях значения этого слова в персидских источниках монгольского периода см.: *Doerfer G.* *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen: in 4 Bdn. Bd. 3*. Wiesbaden, 1967. Nr. 1079 (в особенности S. 65–67).

ными войсками империи. Организация *черига* была идентична организации основных войск, состоявших из кочевников. И те и другие формировались на основе десятичной системы, имевшей многовековую историю в евразийских степях⁷.

Использование в монгольском Иране специального тюрко-монгольского термина для обозначения вспомогательных войск, набираемых для монгольской армии, свидетельствует о том, что этот термин, как и обозначаемое им явление, был связан с монгольской имперской практикой. Хотя в других сохранившихся источниках, например китайских или русских, не удастся отыскать лингвистических соответствий термину *чериг*, едва ли мы ошибемся, предположив, что ирано-монгольские реалии распространялись на всю Монгольскую империю. Во всяком случае, нет никаких сомнений, что система набора вспомогательных войск среди покоренных народов, как бы она ни называлась на разных языках, практиковалась монголами повсеместно.

В отличие от китайских и персидских источников русские летописи не содержат сведений на этот счет. Сказанное, однако, не означает, что вспомогательные войска, набранные на Руси и состоявшие из русских бойцов, никогда не использовались монголами. Из сообщений некоторых западных источников следует, что русские непосредственно участвовали в завоевательном походе в Центральную Европу. Эти сведения, хотя и привлекали иногда внимание исследователей, не становились объектом специального изучения. Их достоверность не проверялась и не оценивалась с опорой на независимые источники. Историки, как правило, ограничивались общими замечаниями о том, что русские наряду с половцами, а также пленными поляками и венграми принимали участие в завоевании Малой Польши и Венгерского королевства⁸, бегло упоминая или пересказывая сообщения некоторых средневековых писателей, прежде всего Яна Длугоша и Фомы Сплитского⁹.

Считая доказанным факт широкого использования монголами вспомогательных войск, набираемых из покоренных народов как на Востоке, так и на Западе Евразии¹⁰, мы подтвердим его специальным анализом важнейших свидетельств участия русских в завоевании Польши и Венгрии, сопоставив их не только между собой, но и с данными независимых источников, пока еще слабо изученных с точки зрения интересующего нас вопроса.

Ян Длугош и источники XIII века

Начнем с сообщения крупнейшего польского хрониста Яна Длугоша (ум. 1480), оставившего самое подробное описание монгольского завоевания Польши, многократно превосходящее информацию более ранних источников. Согласно Длугошу, русские части шли впереди монгольского войска по польской земле в качестве боевого авангарда и помогали захватчикам прокладывать путь: какие-то русские

⁷ См.: *Allsen T. Mongol Imperialism*. P.192–193; *May T. The Mongol Art of War*. Barnsley, 2007. P.39–40.

⁸ *Göckenjan H. Einleitung // Der Mongolensturm: Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von H. Göckenjan, J.R. Sweeney*. Graz; Wien; Köln, 1985. S.52.

⁹ См., например: *Карнов А. Ю. Батый*. М., 2017. С. 112, 123.

¹⁰ См.: *Майоров А. В., Веселов Ф. Н. Тысяцкий Дмитр до и после падения Киева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2024 (в печати).

(*Rutheni*), очень враждебно настроенные по отношению к полякам, вели татар и указывали им дорогу¹¹. Очевидно, речь здесь идет о жителях соседних русских земель, прежде всего Западной Волыни, ранее посещавших Польшу и способных служить проводниками для вражеской армии. Как и другие вспомогательные части, русские отряды действовали в авангарде наступающих монгольских войск, принимая на себя первый удар противника.

Этот же автор далее отмечает, что в решающей для Польши битве при Легнице (9 апреля 1241 г.) на стороне татар действовали русские, появление которых с провокационными криками вызвало сумятицу в польских рядах и повлияло на общий ход битвы. Кто-то из татарского войска бегал по полю боя, громко крича по-польски: «Бегите, бегите», сея панику среди поляков. Услышав родную речь, один из польских военачальников, поверил, что это был крик не врага, а друга, и, отказавшись от дальнейшей борьбы, обратился в бегство вместе со своим отрядом. Обескураженные случившимся поляки заподозрили, что исполнителями этой провокации были их русские соседи, знавшие польский язык¹².

Конечно, мы в праве сомневаться в достоверности приведенных свидетельств позднего хрониста, который мог случайно или намеренно исказить описываемые им события двухсотлетней давности. Историки давно ведут спор относительно происхождения и надежности оригинальных известий Длугоша, выдвигая различные гипотезы и обосновывая иногда противоположные выводы¹³. Современное состояние проблемы во многом определяется дебатами Г. Лабуды и Й. Матушевского, в ходе которых представлены и оспорены многочисленные исторические, текстологические и лингвистические аргументы по вопросу о том, какими несохранившимися источниками мог пользоваться Длугош и была ли среди них гипотетическая хроника польских доминиканцев середины XIII в.¹⁴ В целом источниковедческие исследования «Хроники» Длугоша способствовали подъему ее авторитета как первоисточника по истории монгольского завоевания Польши. В настоящее время без обращения к ней не обходится ни одна научная работа, касающаяся польско-монгольских отношений¹⁵. Тем не менее сообщаемые Длугошем факты требуют проверки и подтверждения независимыми источниками.

В нашем случае такая возможность существует. Об участии русских, или, точнее, восточноевропейских христиан, в завоевании польских земель монголами со-

¹¹ Ioannis Długossii Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae: in XII libris. Lib. 7–8 / ed. by D. Turkowska. Warszawa, 1975. P. 14; Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego: w 12 ksiązkach. Ks. 7–8 / prz. J. Mrukówna. Warszawa, 1974. S. 13.

¹² Ioannis Długossii Annales... P. 21–22; Jana Długosza Roczniki... S. 23.

¹³ См.: Irgang W. Die Schlacht von Wahlstatt in der Darstellung des Jan Długosz // Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen. Würzburg, 1991. S. 111–113; Maroń J. Bitwa Legnicka w najnowszej historiografii // Sobótka. Śląski Kwartalnik Historyczny. 1998. Vol. 53. S. 185–192.

¹⁴ См.: Labuda G. Wojna z Tatarami w roku 1241 // Przegląd Historyczny. 1959. T. 50. С. 189–224; Matuszewski J. Relacja Długosza o najeździe tatarskim w 1241 roku. Łódź, 1980; Labuda G. Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII w. w Rocznikach Jana Długosza. Poznań, 1983. S. 230, 237, 286–292; Matuszewski J. ‘Spór o zaginioną kronikę’ // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1985. T. 37, z. 1. S. 121–143.

¹⁵ См., например: Świątosławski W. The Mongol invasions of Poland in the thirteenth century: the current state of knowledge and perspectives for future research // The Routledge handbook of the mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic and Cultural Relations. London; New York, 2021. P. 82–97. — Здесь же обзор основной литературы по вопросу.

общает еще один источник, происходящий с территории Польши и датированный 1241 г.

В составе «Великой хроники» Матвея Парижского (ум. 1259) сохранилось несколько писем о татарской угрозе, написанных во время вторжения монгольских армий в Польшу и Венгрию и оказавшихся затем в распоряжении английского хрониста. В рукописи, принадлежавшей Матвею, эти письма, переписанные одной рукой, занимают четыре страницы. Начало первого письма отмечено красным заголовком. В конце этого эпистолярного блока помещен следующий красный заголовок. Подборка составляет самостоятельный массив документов, который Матвей получил в готовом виде, или воспринимал их как единый документ, несмотря на различных отправителей и адресатов. Хотя «татарский пакет» является неотъемлемой частью потока различных документов в *scripta continua*, он представляет собой связный корпус «локальных» писем, самостоятельный по отношению к основному тексту «Великой хроники» и приложений к ней. Подборка начинается с двух более существенных текстов — послания венгерского епископа к епископу Парижа и письма ландграфа Тюрингии и Саксонии к герцогу Брабанта и Булони. За ними следуют еще четыре общих послания, авторы которых происходят из миноритской среды. Это письма францисканского викария Польши Иордана, некоего венгерского аббата Святой Марии, доминиканцев и францисканцев, чьи имена обозначены инициалами R и J, а также начальника кельнских францисканцев, обозначенного инициалом G, пересказавшего письма упомянутого Иордана и начальника пражских францисканцев, обозначенного инициалом A¹⁶.

Прежде всего нас будут интересовать письма брата Иордана, францисканского викария Польши и вице-министра провинций Богемии и Польши¹⁷, датированные весной 1241 г., в которых описываются разрушения, причиненные нашествием татар, и неизбежная угроза дальнейшему существованию францисканских миссий в Центральной Европе. Одно из посланий Иордана, доставленное в Кельн, было переписано затем главой местных францисканцев. Получив грозные предупреждения от собратьев из Польши и Чехии, он считал своим долгом передать их далее на запад, задействовав своего рода эстафету новостей, созданную нищенствующими монахами. Ссылаясь на сведения, полученные от Иордана и некоего начальника пражских францисканцев, их кельнский собрат по ордену писал, что численность армии татар, завоевавших Польшу и продолжающих свои завоевания на западе, день ото дня возрастает, так как мирных людей они побеждают и подчиняют себе как союзников, а именно великое множество язычников (*paganis*), еретиков (*haereticis*) и псевдохристиан (*pseudochristianis*) они превращают в своих воинов, и возникает опасение, как бы все христианство не подверглось уничтожению¹⁸.

Такие же сведения содержатся в послании ко всем христианам двух миноритов из Саксонии — доминиканца R и францисканца J, — в котором сообщается о мерах противодействия татарам, предпринимаемых в германских землях. Авторы письма

¹⁶ См.: Papp Reed Z. Matthew Paris on the Mongol Invasion in Europe. Turnhout, 2022. P. 283–284.

¹⁷ Подробнее о нем см.: Allaire G. Jordan of Giano // Trade, Travel, and Exploration in the Middle Ages. An Encyclopedia. New York; London, 2000. P. 311–312.

¹⁸ Matthaei Parisiensis Chronica Majora / ed. by H. R. Luard. London, 1882. Vol. 6 (= Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. Vol. 57/6). P. 83–84; Мамузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 159–160.

утверждают: несмотря на то что враги называются татарами, их войско во множестве составляют наихудшие христиане (*pessimi Christiani*) и команы (*Comani*), которые по-тевтонски называются вальвами (*Values*)¹⁹. Современный австрийский хронист из цистерцианского монастыря Хайлигенкройц (вблизи Вены) под 1242 г. записал, что к татарам, подчинившим себе куманов (*Chumanos*) и вместе с ними напавшим на Венгерское королевство, присоединились еретики и лжехристиане (*heretici et falsi christiani*), чтобы иметь возможность излить свою злобу на христиан и стереть с лица земли само их имя²⁰.

Некоторые современники говорили о многонациональном и многоконфессиональном составе монгольских армий в более общем виде. Русский архиепископ Петр, выступивший перед делегатами Лионского церковного собора (май — июнь 1245 г.)²¹, сообщил, что, не располагая точными сведениями о численности татар, он оценивает ее как очень значительную, так как от всех народов и всех вер многие присоединились к ним²². Далматинский хронист Фома Сплитский (ум. 1268) писал, что татары на своем родном языке называют себя монголами (*Mangoli*), но у них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов²³.

Хотя происхождение и первоначальное значение этнонима «татары» остается дискуссионным, ясно, что уже при жизни Чингисхана этим именем стали обозначать все народы, объединившиеся под командованием монголов. Вторгшаяся в Европу армия завоевателей, состоявшая из монголов и подчиненных ими народов, в латинских источниках почти всегда обозначается словом «*tartari*», очевидно, совершенно осознанно, чтобы достичь звукоподражательного эффекта по отношению к Тартару, глубочайшему месту подземного царства или низшему уровню ада классической мифологии²⁴.

Не приходится сомневаться, что еретиками и лжехристианами (псевдохристианами, наихудшими христианами), которые вместе с язычниками (команами) встали на сторону завоевателей, чтобы уничтожить западных христиан, последние должны были именовать прежде всего восточных христиан греческого обряда, в том числе жителей соседних русских земель, пополнявших собой монгольскую армию. В приведенных выше известиях речь идет, несомненно, о множестве полцев и русских, мобилизованных монголами для завоевания Польши и Венгрии. Используя против поляков и венгров вспомогательные войска, набранные в сосед-

¹⁹ Matthaei Parisiensis Chronica Majora. Vol. 6. P. 82; Матузова В. И. Английские средневековые источники... С. 158.

²⁰ Continuatio Sancti Crucis secundum / ed. by W. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover, 1859. Vol. 9. P. 640.

²¹ Подробнее см.: Maiorov A. V. The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon // Journal of Ecclesiastical History. 2020. Vol. 71, no. 1. P. 20–39.

²² Annales de Burton / ed. by H. R. Luard // Annales Monastici. Vol. 1. London, 1864 (= Rerum Britannicarum mediae aevi scriptores. Vol. 36/1). P. 274; Матузова В. И. Английские средневековые источники... С. 182.

²³ *Archdeacon Thomas of Split*. History of the Bishops of Salona and Split / eds D. Karbić, M. Matijević-Sokol, J. R. Sweeney. Budapest; New York, 2006. P. 280/281–282/283; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / вступ. ст., пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997. С. 113–114.

²⁴ См.: Pow S. “Nations que se Tartaros appellant”: An Exploration of the Historical Problem of the Usage of the Ethnonyms Tatar and Mongol in Medieval Sources // *Zolotoordynskoe Obozrenie = Golden Horde Review*. 2019. Vol. 7, no. 3. P. 545–567.

них русских землях, монголы применяли свою обычную тактику, ранее успешно применявшуюся при завоевании Северного Китая, Хорезма и Ирана²⁵.

По всей видимости, вспомогательные войска, участвовавшие в завоевании Центральной Европы, должны были состоять из значительных контингентов, общая численность которых была не меньшей или даже превышала численность основных монгольских армий. Источники XIII в., относящиеся к монгольским завоеваниям в различных регионах Евразии, прямо указывают на это.

Венгерский доминиканец Юлиан, побывавший в Северо-Восточной Руси осенью 1237 г., сообщил данные относительно общей численности монгольских армий, готовых к походу на Русь и далее в Европу. По его словам, у монголов было «сто тридцать пять тысяч воинов их закона, в наибольшей степени испытанных в сражениях» и «двести шестьдесят тысяч рабов, не следующих их закону»²⁶. Разумеется, эти цифры нельзя считать достоверными, поскольку, скорее всего, Юлиан заимствовал их из известного в Европе отчета о хорезмийской кампании Чингисхана²⁷. Вместе с тем эти цифры могли отражать примерное соотношение основных тюрко-монгольских конных войск и вспомогательных частей, мобилизованных в завоеванных странах, точнее говоря, представление о таком соотношении, возникшее на латинском Западе во второй четверти XIII в.

Более надежные данные, полученные современными исследователями, показывают, что вспомогательные войска, значительно превышавшие численность основных армий, применялись монголами уже при завоевании империи Цзинь. В результате многочисленных мобилизаций, проведенных оккупационными властями, стотысячная армия Мукали, оставшаяся в Северном Китае после ухода основных войск Чингисхана далее на запад, только на четверть состояла из монгольских воинов, тогда как три четверти ее составляли войска, набранные из местного населения²⁸. Трехсоттысячная армия Хулагу, пришедшая под стены Багдада, только наполовину состояла из монгольской и тюркской кавалерии, а другая ее половина была набрана из местного населения Ирана, Кавказа и Малой Азии²⁹.

Русские источники сохранили важные для нас сведения, позволяющие установить, из населения каких земель и городов монголы могли комплектовать вспомогательные войска для последующего использования их против западных соседей Руси.

²⁵ См.: *Buell P. D.* Tribe, Qan, and Ulus in Early Mongol China: Some Prolegomena to Yuan History. PhD thesis (History). [S.l.], 1977. P. 74–76; *Hsiao S.* The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Cambridge, 1978. P. 12–13; *Jackson P.* The Mongols and the Islamic World. From conquest to conversion. New Heaven; London, 2017. P. 90; *Manz B. F.* Nomads and Regional Armies in the Middle East // *Nomad Military Power in Iran and Adjacent Areas in the Islamic Period* / eds K. Franz, W. Holzwarth. Wiesbaden, 2015. P. 15 f.

²⁶ *Dörrie H.* Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O. P. ins Uralsgebiet (1234/5) und nach Russland (1237): und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse*. 1956. Nr. 6. S. 182; *Хайтала P.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. С. 390.

²⁷ См.: *Klopprogge A.* Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. Wiesbaden, 1993. S. 161, Anm. 51; *Хайтала P.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». С. 397, прим. 55.

²⁸ См.: *Allsen T.* The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China // *The Cambridge History of China: in 15 vols. Vol. 6.* Cambridge, 1994. P. 358.

²⁹ См.: *Allsen T.* Mongol Imperialism. P. 203–207.

Когда князья Даниил и Василько Романовичи, благополучно переждав монгольское нашествие в Мазовии, вернулись в родные земли, первым на их пути оказался западноволынский город Берестье. По словам летописца, «Данилови же со братомъ пришедшоу ко Берестью, и не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьенных»³⁰.

Примечательно, что непогребенные тела погибших находились не в самом Берестье, как можно было ожидать, а где-то в его окрестностях — «в поле». Сам же город не только не был уничтожен, но и, насколько можно судить, не понес значительных разрушений. К такому выводу приходят новейшие исследователи в результате изучения археологических памятников средневекового Берестья. «Во время раскопок, — пишет П. Ф. Лысенко, — не выявлено следов массового пожара и гибели города в слоях середины XIII в.». Отсюда, заключает историк, «наиболее вероятно предположение о том, что город не был взят и разрушен, а в его окрестностях произошла битва»³¹.

Нельзя, разумеется, исключать, что под стенами Берестья могла произойти какая-то кровопролитная битва, о которой почему-то умалчивает летописец. Но кто мог участвовать в этой битве? Если иметь в виду защитников города, то что заставило их покинуть родные стены и выйти на бой с захватчиками в чистом поле, обрекая себя на смерть? Даже если представить, что массовая гибель берестян «в поле» произошла вследствие неудачной вылазки, в которой участвовала бóльшая часть населения, маловероятно, чтобы вооруженное сопротивление жителей монголы оставили бы без последствий для города.

Насколько нам известно, описанная летописцем Даниила Галицкого массовая гибель берестян за городскими стенами — это единственный в своем роде случай, получивший отражение в летописных известиях о монгольском нашествии на Русь, поэтому причины случившегося остаются невыясненными. Чтобы яснее представить картину трагических событий, произошедших под стенами Берестья, следует обратиться к хорошо известным фактам из истории монгольских завоеваний в Средней Азии и на Ближнем Востоке, иллюстрирующим регулярно применявшиеся способы подчинения городов и обращения с покоренным населением.

Проведенный нами ранее анализ подобных фактов показал, что перед штурмом укрепленных городов монголы предлагали жителям сдаться и в знак покорности безоружными выйти из города. Никакие клятвенные обещания и гарантии безопасности в таких случаях не соблюдались: покорившихся нередко ожидали смерть или плен. Только если город сдавался без всякого сопротивления, его жители могли сохранить жизнь и свободу. Взятые без боя города подвергались нещадному грабежу, но, как правило, избегали более масштабных разрушений. Если же защитники городов сдавались монголам в ходе уже начатого штурма, их ожидала более суровая участь: вышедших из городских стен жителей убивали, а город разрушали. Сохранить свою жизнь могли только боеспособные воины, молодые мужчины и юноши, готовые перейти на службу к монголам и участвовать в даль-

³⁰ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). М., 1998. Т. 2. Стб. 788. — В Хлебниковском и Погодинском списках союз и после слова *ради* отсутствует, что делает более ясным смысл сообщения: Даниил и Василько не могли выйти из Берестья в поле «смрада ради множества избьенных».

³¹ Лысенко П. Ф.: 1) Берестье. Минск, 1985. С. 21; 2) Открытие Берестья. Минск, 2007. С. 28.

нейших завоеваниях в составе вспомогательных частей монгольской армии³². Эту тактику монголы применяли и на Западе, в частности при завоевании Венгерского королевства³³.

В свете приведенных фактов убийство монголами жителей Берестя за пределами города позволяет думать, что в начале осады берестяне оказали какое-то сопротивление захватчикам, но затем были вынуждены покориться, безоружными вышли в поле, где и были убиты. Тот факт, что тела погибших несколько месяцев оставались неубранными (вероятно, до апреля 1241 г., когда после ухода монголов Романовичи смогли вернуться из Польши), наводит на мысль, что все это время некому было их хоронить: берестяне были либо убиты, либо мобилизованы в монгольскую армию.

Можно думать, что при схожих обстоятельствах монголами были захвачены и другие города Волынской земли, в том числе Владимир. Как и Берестье, стольный город Волыни полностью обезлюдел. Когда князь Даниил прибыл туда после ухода татар, «не бе бо на Володимере не осталъ живыи». Правда, на этот раз непогребенные тела погибших горожан князь нашел не в поле под городом, а в городских храмах: «церкви святой Богородици исполнена троупья, иныа церкви наполнены быша труобья и телесь мертвых»³⁴. Эта трагическая картина, а также указание летописца, что Владимир был «взят копьем», по-видимому, свидетельствуют о штурме города монголами. Отсутствие живых людей и множество непогребенных тел в городских храмах — верные признаки того, что в результате вражеского штурма жители Владимира в большинстве своем были убиты, а те, кто выжил, — угнаны в плен или мобилизованы в монгольскую армию.

О взятии монголами Галича — столицы державы Романа Мстиславича, за который его сыновья вели долгую и упорную борьбу, летописец Даниила Галицкого говорит как бы между прочим, не сообщая ничего, кроме названия города: он достался врагу в числе «иных градов многих»³⁵. Подозрительное молчание о падении Галича древних русских летописей и отсутствие каких-либо упоминаний об этом в монгольских источниках заставляют думать, что захват города был заурядным событием, не оставившим повода отметить героизм его защитников или доблесть монгольских полководцев.

Хотя следов тотальных разрушений, связываемых с монгольским нашествием, в Галиче (как и во Владимире-Волынском) не выявлено, ясно, что середина XIII в. стала трагическим рубежом в истории города. Время его расцвета закончилось, и Галич постепенно вступил в период своего упадка³⁶. По всей видимости, вследствие захвата монголами Галич, как и другие города Юго-Западной Руси, лишился значительной части своего населения, которое было убито, обращено в рабство или призвано на военную службу.

³² Подробнее см.: *Майоров А. В.* Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // *Русин.* 2015. № 1 (39). С. 11–24.

³³ См.: *Tolnai G.* *Egősségek a tatárjárás korában // A tatárjárás (1241–42).* Budapest, 2007. О. 24.

³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788.

³⁵ Там же. Стб. 786.

³⁶ См.: *Гончаров В. К.* Древній Галич // *Вісник Академії наук Української РСР.* 1956. № 1. С. 61–67; *Ауліх В.* Княжий Галич // *Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького / відп. ред. Я. Д. Ісаєвич.* Львів, 2001. С. 146–151; *Баран В. Д.* Княжий Галич в історії України // *Український історичний журнал.* 2001. № 4. С. 70–74.

С высокой вероятностью можно предполагать, что мобилизованных на Во­лыни и в Галичине русских воинов мы затем видим в составе монгольских войск, ведущих военные действия в Польше и Венгрии. Ранней весной 1241 г. основная монгольская армия во главе с Бату и Субедеем вторглась на территорию Венгерского королевства, преодолев хорошо укрепленный Верецкий перевал в Карпатах. Напрасно венгерский король надеялся на силу своих укреплений в горах. По сообщению архидиакона Фомы Сплитского, которое никогда не ставилось под сомнение, монголы выслали вперед до 40 тыс. людей, вооруженных топорами, и они сравнительно быстро на глазах у венгров прорубили проходы или разрушили все деревянные заграждения, открывая путь завоевателям³⁷. В литературе уже давно сделано предположение, что этот монгольский авангард состоял из рекрутированных жителей Галицкого Прикарпатья, хорошо знавших местность, горные дороги и ставших проводниками армии Бату³⁸. Хотя это лишь предположение, едва ли можно найти другое объяснение появлению у монголов, только что подчинивших себе Юго-Западную Русь, большого количества вспомогательных войск, способных штурмовать пограничные укрепления венгров в труднопроходимой для степной конницы горной местности.

В то время как некоторые очевидцы и современники монгольского нашествия избегали этнических наименований и говорили о присоединившихся к монголам восточноевропейских христианах иносказательно (в выражениях, соответствующих апокалиптическим настроениям, охватившим тогда латинский Запад³⁹), другие свидетели монгольского нашествия, записывавшие свои наблюдения и собранные сведения по горячим следам событий, как мы увидим далее, предпочитали называть причастных к ним своими именами и прямо указывали на русских как на непосредственных участников монгольского вторжения в Европу. В любом случае речь шла о значительных по численности воинских контингентах, в которых русские (восточноевропейские христиане) играли не менее заметную роль, чем язычники (половцы).

Накануне завоевания: свидетельства магистра Рогерия

Магистр Рогерий Апулийский (ум. 1266), непосредственный свидетель монгольского нашествия на Венгрию, поступивший затем на службу к завоевателям и даже сделавший некоторую карьеру в оккупационной администрации, отмечает упорные слухи, ходившие накануне монгольского вторжения, что коمانы (половцы) сговорились с русскими (*Rutheni*), чтобы одновременно с ними напасть на венгров, от

³⁷ *Archdeacon Thomas of Split. History of the Bishops of Salona and Split. P. 258/259; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 106.*

³⁸ См.: *Négyesi L. A muhi csata, 1241. április 11 // A tatárjárás. Budapest, 2003. O. 394–406, 397; Veszprémy L. Újabb szempontok a tatárjárás történetéhez // A tatárjárás. O. 384–394, 386; Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century / transl. by D. Bădulescu. Amsterdam, 2006. P. 629; Узелац А. Од Урала до Цариграда. Монгольский поход на Европу (1236–1243). Белград, 2023. С. 190.*

³⁹ Подробнее об этом см.: *Schmieder F. Christians, Jews, Muslims — and Mongols: Fitting a Foreign People into the Western Christian Apocalyptic Scenario // Medieval Encounters. 2006. Vol. 12. P. 274–295; Veselov F. N. Omens of the apocalypse: the first Rus' encounter with the Mongols through the prism of the Medieval mind // The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe. P. 15–35.*

которых они претерпели много зла и разорения. Предполагалось, что когда команы, ранее поселившиеся в Венгрии, узнают о приближении русских, то поднимут против короля восстание, а русские без труда смогут захватить горные проходы, придут к ним на помощь и смогут быстро опустошить любую часть Венгрии⁴⁰.

Авторы новейшего издания сочинения Рогерия и его английского перевода неоправданно, на наш взгляд, вмешиваются в текст источника, меняя *Rutheni* на *Tartari*. В результате выходит, что перед монгольским вторжением команы сговорились не с русскими, а с татарами (монголами), чтобы вместе напасть на венгров. По мнению издателей, упоминание здесь русских, читающееся в первом издании Рогерия, не соответствует контексту⁴¹.

Это утверждение ничем не мотивировано. Между тем сопоставление сообщения Рогерия с приведенным выше свидетельством Фомы Сплитского о мобилизованных монголами 40 тыс. людей, вооруженных топорами, которые в короткий срок смогли разрушить пограничные укрепления венгров, с большей вероятностью позволяет видеть в них вспомогательные войска, набранные из русских, живших по другую сторону Карпат, нежели половецкую конницу. На протяжении нескольких веков блокирование горных перевалов (особенно в зимнее время) оставалось эффективной мерой защиты восточных границ Венгерского королевства от вторжений его степных соседей⁴². Но то, что было не под силу степнякам, оказалось сравнительно легкой задачей для русских жителей Восточного Прикарпатья, привыкших валить лес и прокладывать дороги в горах. Поэтому возможное участие русских в штурме карпатских перевалов действительно должно было беспокоить венгров накануне монгольского вторжения.

Поскольку до нашего времени не сохранилась ни одна средневековая рукопись, содержащая сочинение Рогерия, о его оригинальном тексте можно судить только по первому печатному изданию (Брно, 1488; через несколько месяцев переиздано в Аугсбурге). В XVIII–XIX вв. появилось еще несколько изданий, и в каждом случае редакторы вносили в первоначальный текст некоторые поправки и изменения по своему вкусу⁴³. Отмеченная выше поправка — замена *Rutheni* на *Tartari* — представляет собой одно из таких изменений. Но даже если мы примем ее, тема участия русских в завоевании Венгрии у Рогерия не исчерпывается одним эпизодом.

Закончивший свое произведение около 1244 г. Рогерий руководствовался прежде всего своим личным опытом и непосредственными наблюдениями, что делает его рассказ важнейшим источником по истории монгольских завоеваний в Европе. В частности, Рогерий описал один случай, произошедший в окрестностях Варадина (Арада), где его самого застало монгольское нашествие. Готовясь к штурму укрепленного поселения под названием Перг, татары собрали множество плененных

⁴⁰ Rogerii carmen miserabile super destructione regni Hungáriáé per Tartaros facta / ed. by L. de Heinemann // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover, 1892. T. 29. P. 553; *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. и коммент. А. С. Досаева. СПб., 2012. С. 27.

⁴¹ Master Roger's Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / eds J. M. Bak, M. Rady // Anonymus and Master Roger. Budapest; New York, 2010. P. 158, n. b; P. 159, n. 1; см. также: Rogerii Carmen Miserabile / ed. by L. Juhász // Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / ed. by I. Szentpétery. Budapest, 1938. Vol. 2. P. 560.

⁴² См.: *Узелац А.* Од Урала до Цариграда. С. 156–157.

⁴³ *Bak J. M., Rady M.* Introduction // Anonymus and Master Roger. P. XLI–XLII.

русинов (*Ruthenorum*), команов (*Comanorum*) и венгров (*Hungarorum*), со всех сторон окружили поселение и выслали вперед на битву захваченных венгров. После того, как все эти венгры были перебиты, татары бросили в бой русинов, исмаилитов (*Ismahelite*) и команов. Сами же татары, стоя позади них, смеялись над гибелью штурмующих, а тех из них, кто отступал, убивали⁴⁴.

Насколько нам известно, приведенное сообщение никогда не ставилось под сомнение. Все содержащиеся в нем детали истории оценивают как достоверные и соответствующие реалиям своего времени. Описанная Рогерием тактика, предполагавшая использование при штурме вражеских укреплений вспомогательных войск, состоящих из бывших военнопленных, систематически применялась не только самими монголами, но в той или иной степени была известна большинству степных народов Евразии⁴⁵. Достоверным можно считать указание на участие в штурме Перга пленных исмаилитов, захваченных монголами наряду с венграми. Исмаилитами в средневековой Венгрии именовали многочисленных мусульман, выходцев из Хорезма, Волжской Булгарии и других стран, которые вместе с команамы постоянно проживали на территории королевства в течение нескольких столетий и часть из которых состояла на военной службе, в том числе по охране внешних границ⁴⁶. Не вызывает сомнений и наличие в монгольской армии, вторгшейся в Венгрию, русских отрядов, в которых исследователи видят вспомогательные контингенты, пришедшие из Киевской Руси, сопоставляя сообщение Рогерия с известием Галицко-Волынской летописи о пленном киевском тысяцком Дмитре, советовавшем Бату напасть на Венгрию⁴⁷.

Укажем на еще одну деталь, свидетельствующую о достоверности сведений, передаваемых Рогерием. Бросается в глаза, что в его сообщении русские поставлены в один ряд с пленными венграми, команамы и исмаилитами. Выходит, что автор рассматривал русских не как часть вражеских войск, вторгшихся в Венгрию, а как одну из категорий военнопленных, захваченных монголами на коронных землях. Если это не какая-то ошибка, то придется признать, что Рогерий имел в виду не русских, пришедших с монголами из-под Киева, с Волыни или Галичины, а тех русских, кто постоянно проживал в границах Венгерского королевства, и попал в плен к монголам вместе с венграми и другими подданными короля. Однако более внимательное изучение венгерских источников середины XIII в. показывает, что здесь нет противоречия и первое не исключает второго.

В «Великой хронике» Матвея Парижского и Анналах Уэйверлийского монастыря сохранились две версии уже упомянутого нами письма неизвестного венгерского епископа к неназванному по имени епископу Парижа, возможно, Гийому III Овернскому. Прежде чем рассказать легендарную историю происхождения татар,

⁴⁴ Rogerii carmen miserabile... P.564; Master Roger's Epistle... P.212/213; *Magistrus Rogerius*. Горестная песнь... С.53–54. — Обстоятельный комментарий к этому известию см.: Der Mongolensturm: Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von H. Göckenjan, J. R. Sweeney. Graz; Wien; Köln, 1985. S. 219–220, Anm. 203–210.

⁴⁵ См.: Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; München, 1974. S. 88; Узелац А. Од Урала до Цариграда. С. 209.

⁴⁶ См.: Göckenjan H. Hilfsvölker und Grenzwächter im mittelalterlichen Ungarn. Wiesbaden, 1972. S. 44–89; Berend N. At the gate of Christendom. Jews, Muslims and 'pagans' in medieval Hungary, c. 1000–1300. Cambridge, 2001. P. 140–142.

⁴⁷ См.: Strakosch-Grassman G. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck, 1893. S. 17; Der Mongolensturm... S.219, Anm. 207.

которую венгры слышали от пленных татарских разведчиков, автор, вероятно, вацкий епископ Стефан (Иштван Банча, ум. 1270)⁴⁸ или трансильванский епископ Рейнальд (1222–1241)⁴⁹, сообщает несколько важных подробностей, касающихся времени и обстоятельств пребывания татар на Руси до нападения на Венгрию. В частности, автор письма говорит, что граница Венгерского королевства, к которой подошли татары, проходила по реке, называемой Дейнфир (*Deinphir*) или Дамай (*Damai*). Враги не смогли переправиться через нее летом и, желая дожидаться зимы, временно отступили, выслав в Россию несколько разведчиков, которых затем лично допросил автор письма⁵⁰.

Большинство исследователей идентифицируют реку Дейнфир (Дамай) как Днепр⁵¹. Не имея возможности сходу форсировать эту крупную реку, татары отложили переправу до зимних морозов и установления прочного ледяного покрова. Следовательно, интересующий нас документ был написан до монгольской осады и штурма Киева. К такому выводу пришел еще М. С. Грушевский⁵². Современные исследователи датируют документ 1239 или 1240 гг.⁵³

Из приведенного документа с очевидностью следует, что его автор воспринимал появление татар на восточном берегу Днепра как их приближение непосредственно к венгерской границе. С его точки зрения, восточная граница королевства проходила тогда по Днепру, хотя к западу от него располагались русские земли, еще не завоеванные татарами, куда они отправили своих разведчиков, схваченных русскими и переданных затем венгерским властям.

Подобные представления, несомненно, отражают официальную точку зрения венгерского двора на политическую структуру Восточной Европы накануне монгольского вторжения. С начала XIII в. венгерские короли, чьи сыновья и братья неоднократно занимали княжеский стол в Галиче, официально титуловали себя «королями Галиции и Лодомерии» (*rex Galicie et Lodomerie*). В частности, подобным образом в королевских документах регулярно титуловались Бела IV и его отец Андрей II⁵⁴.

⁴⁸ См.: *Sinor D. Un voyageur du treizième siècle: Le Dominicain Julien de Hongrie // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1952. Vol. 14. P. 599; Zsoldos A. Magyarország világi archontológiája, 1000–1301. Budapest, 2011. O. 96; Papp Reed Z. Matthew Paris on the Mongol Invasion... P. 288–289.*

⁴⁹ *Узелац А. Од Урала до Цариграда. С. 140.*

⁵⁰ *Matthaei Parisiensis Chronica Majora. T. 6. P. 75; Annales monasterii de Waverleia / ed. by H. R. Luard // Annales monastici. London, 1865. T. 2 (= Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. T. 36/2). P. 325.*

⁵¹ См.: *Palacký Fr. Der Mongolen-Einfall im Jahre 1241. Eine kritische Zusammenstellung und Sichtung aller darüber vorhandenen Quellennachrichten // Abhandlungen der Königlichen Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Folge 5. 1842. Bd. 2. S. 379; Erben C. Ja. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I // Abhandlungen der Königlichen Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Folge 5. 1854. Bd. 8. S. 723; Gombocz Z. A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány (II.) // Nyelvtudományi Közlemények. 1923. K. 46. O. 1–33 (O. 22); Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht. S. 54; Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes... S. 163; Szabó J. A tatárjárás. A mongol hódítás és Magyarország. Budapest, 2007. O. 112–113; Papp Reed Z. Matthew Paris on the Mongol Invasion in Europe. P. 291.*

⁵² *Грушевський М. С. Історія України-Руси: у 10 т. Т. 2. Львів, 1905. С. 250, прим. 3.*

⁵³ *Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht. S. 54; Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes... S. 163; Giessauf J. Barbaren — Monster — Gottesgeißeln. Steppennomaden im europäischen Spiegel der Spätantike und des Mittelalters. Graz, 2006. S. 153; Szabó J. A tatárjárás... O. 112.*

⁵⁴ См.: *Regesta Regum Stirpis Arpadianae critico-diplomatica / ed. by I. Szentpétery. Budapest, 1923. T. 1. P. 94, nr. 290; P. 105, nr. 320; P. 111, nr. 337; P. 254, nr. 841; P. 315–16, nr. 1021.*

Кроме того, князь Даниил Галицкий, с детства воспитанный при венгерском дворе⁵⁵, некоторое время признавал свою вассальную зависимость от короля Белы IV. Это следует из описания коронации Белы, проведенной эстергомским архиепископом в Секешфехерваре 14 октября 1235 г., которое содержится в Венгерском хроникальном своде XIV в. Во время коронационного шествия князь Даниил «со всем должным почтением» (*summa cum reverentia*) вел перед новым королем его коня⁵⁶. Поведение Даниила напоминает широко распространенный в средневековой Европе чин конюшего (*Officium Stratoris*) — церемониальный ритуал, символизирующий вассальное повиновение или по меньшей мере признание политического превосходства одного правителя над другим⁵⁷.

На наш взгляд, политическая зависимость галицко-волынского князя от венгерского короля особенно заметна во второй половине 1230-х — начале 1240-х гг.⁵⁸ В условиях уже начавшегося монгольского завоевания Восточной Европы Даниил Романович, пользуясь поддержкой своего венгерского сюзерена, не только вернул под полный контроль Галицию, но и распространил свою власть до Днепра и взял под контроль Киев, оставив там в качестве наместника тысяцкого Дмитра (конец 1239 или начало 1240 г.). Таким образом, письмо венгерского епископа в Париж, скорее всего, описывало ситуацию, сложившуюся вокруг Киева после перехода его под власть Даниила и до зимы 1240/1241 г.⁵⁹

Как видим, современные венгерские наблюдатели — вацкий или трансильванский епископ и магистр Рогерий, архидиакон в Варадине, — не без основания могли воспринимать западнорусские земли между Карпатами и Днепром как составную часть большой территории, подчиненной венгерской короне. Сообщая об участии русских вспомогательных войск в завоевании Венгерского королевства, Рогерий мог иметь в виду контингенты, набранные монголами прежде всего в Галичине и на Волыни, воспринимая их не как солдат вражеской армии, а как пленных, захваченных на коронных землях, управляемых одним из королевских вассалов, и, таким образом, поставил этих русских в один ряд с венграми и другими жителями королевства.

⁵⁵ См.: Волощук М. «Угорське дитинство» князя Данила Романовича (1206–1210 pp.) // На вівтар історії України: Ювілейний збірник на пошану В. В. Грабовецького. Івано-Франківськ, 2008. С. 365–376.

⁵⁶ Chronicle of the Deeds of the Hungarians from the fourteenth-century Illuminated Codex / eds J. M. Bak, L. Veszprémy. Budapest; New York, 2018. P. 324/325.

⁵⁷ См.: Labunka M. Officium Stratoris Principis Galicie et Lodomeriae Danielis Romanovych // Palaeoslavica. 2002. Т. 10. P. 222–225; расширенную версию см.: Лабунька М. Князь Данило Галицький і коронація угорського короля Бели IV (Чин: Officium Stratoris) // До джерел: Збірник наукових праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ; Львів, 2004. Т. 1. С. 554–561.

⁵⁸ См.: Майоров А. В. Внешняя политика Даниила Романовича в середине 1230-х годов // Княжа доба. Історія і культура. 2008. Т. 2. С. 50–57; см. также: Волощук М. Даниил Галицкий и Бела IV: к реконструкции русско-венгерских отношений 30-х годов XIII в. // Rossica antiqua. Исследования и материалы. СПб., 2006. С. 331–341.

⁵⁹ Подробнее см.: Maiorov A. V. The Mongolian Capture of Kiev: The Two Dates // Slavonic and East European Review. 2016. Vol. 94, no. 4. P. 702–714.

Русский перебежчик в битве на реке Шайо

Еще один современник монгольского нашествия, далматинский хронист Фома Сплитский, сообщает о некоем русском перебежчике, предупредившем венгров перед решающей битвой с захватчиками на реке Шайо (11 апреля 1241 г.) о готовящемся неприятелем опасном обходном маневре. Накануне сражения к венгерскому королю пришел русский перебежчик (*transfuga ex Rutenis*) и сказал ему, что сегодня ночью татары собираются переправиться через реку и напасть на него; поэтому надо быть осторожным, чтобы они не застали его врасплох⁶⁰. Экстренные меры, принятые королем, сорвали монгольскую вылазку, но не спасли венгров от общего поражения.

Хотя архидиакон Фома, в отличие от Рогерия, не был непосредственным очевидцем монгольского нашествия на Венгрию и писал свою хронику через полтора или два десятилетия после него, сообщаемые им сведения о русском перебежчике никогда не ставились под сомнение⁶¹. Историки в целом с доверием относятся к оригинальной информации Фомы о монголах, которая не основана на литературных заимствованиях и не повторяет расхожих легенд и стереотипов. Осведомленность хрониста вполне объяснима. Свои сведения он получал от непосредственных свидетелей и участников событий. Несомненно, информатором Фомы был сам Рогерий, в 1249–1266 гг. бывший сплитским архиепископом. Кроме того, в период монгольского нашествия недалеко от Сплита, в крепости Клисса, располагалась резиденция королевы Марии (жены Белы IV), которую, по свидетельству Фомы, часто посещали сплитские старейшины⁶². Наконец, в Сплите от монголов некоторое время укрывался и сам король Бела со всем своим двором⁶³.

В нескольких актах Белы IV, датируемых 1256 или 1262 гг., упоминается некий Маладик, или Младик Русский (*Maladik/Mladik Ruthenus*), который, спасаясь от татарского плена, бежал к венгерскому королю и принес с собой 30 марок золотом⁶⁴. По всей видимости, этот Младик был русским боярином, попавшим в монгольский плен, возможно, в Галиции или на Волыни. Во время монгольского нашествия на Венгрию он бежал к королю, воспользовавшись удобным случаем. Нельзя исключать, что это могло произойти накануне битвы на Шайо⁶⁵, и, таким образом, перед нами тот самый русский перебежчик, о котором писал Фома Сплитский. Переданные королю деньги должны были подтвердить искренность намерений Младика,

⁶⁰ *Archdeacon Thomas of Split. History of the Bishops of Salona and Split. P.262/263; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 107.*

⁶¹ См.: *Назаренко А. В.* Русь и монголо-татары в Хронике сплитского архиепископа Фомы (XIII в.) // *История СССР. 1978. № 5. С. 149–159. С. 154; Göckenjan H.* Der Westfeldzug (1236–1242) aus mongolischer Sicht // *Wahlstatt 1241. S. 51; Szabó J.* A tatárjárás... О. 135; *Font M., Barabás G.* Coloman, King of Galicia and Duke of Slavonia (1208–1241). *Medieval Central Europe and Hungarian Power. Leeds, 2019. P. 123.*

⁶² *Archdeacon Thomas of Split. History of the Bishops of Salona and Split. P. 286/287–288/289.*

⁶³ *Ibid. P. 290/291–292/293.*

⁶⁴ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / ed. by G. Fejér. Budaë, 1829. T. IV, vol. 3. P. 59; Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / ed. by R. Marsina. Bratislava, 1987. T. 2. P. 376–377. — Новейший комментарий см.: *Voloshchuk M.* Ruthenians (the Rus') in the Kingdom of Hungary, 11th to mid-14th Centuries: Settlement, Property, and Socio-Political Role. Leiden; Boston, 2021. P. 108–109.*

⁶⁵ См.: *Волощук М.* Влияние монгольского нашествия 1239–1243 гг. на переселение жителей Руси в Венгрию: хронология, динамика, демография проблемы // *Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Kraków, 2013. S. 62–69. S. 68. (Colloquia Russica. Series I. Vol. 3).*

стремившегося искупить вину за невольное участие в разорении королевства. Конечно, это только предположение. Однако, приведенный нами факт показывает, что бегство русских из монгольского плена действительно происходили во время нашествия на Венгрию и что русские перебежчики стремились оказывать услуги венгерскому королю.

Разумеется, тот факт, что первоначальный план монгольского нападения был раскрыт русским перебежчиком, не означает, что в противном случае венгры не следили бы за местностью вблизи своего лагеря и не охраняли бы мост через Шайо. Без каких-либо предупреждений было очевидно, что этот мост — удобное средство для переправы вражеских войск. Поэтому не лишена оснований недавно предложенная новая интерпретация событий, связанных с русским перебежчиком. Предупреждая короля Белу о готовящейся ночной атаке противника, перебежчик мог исполнять секретное поручение монголов с целью сбить с толку венгерское командование. Раскрыв план ночной атаки через мост и обеспечив тем самым первоначальный успех венгров, монголы усыпили их бдительность перед решающей атакой, произошедшей на рассвете⁶⁶.

Как бы то ни было, ясно, что в составе монгольской армии, участвовавшей в завоевании Венгерского королевства, находились русские вспомогательные силы и один из русских бойцов сыграл заметную роль в битве на Шайо. Последний мог руководствоваться различными мотивами — искренним стремлением помочь венграм или быть тайным монгольским шпионом. В любом случае информированность русского перебежчика означает, что он был допущен к важным оперативным секретам монгольского командования, а значит, пользовался его доверием.

Таким образом, все основные средневековые источники, повествующие о монгольском нашествии на Польшу и Венгрию, свидетельствуют, что на стороне завоевателей были какие-то русские части, готовые к вторжению или непосредственно участвующие в нем. Сообщения Рогерия Апулийского и Фомы Сплитского, как и более поздний рассказ Яна Длугоша, подтверждают друг друга. Они подтверждаются также показаниями других источников XIII в. Если одни западные современники и очевидцы монгольского вторжения предпочитали говорить о своих восточно-христианских соседях, присоединившихся к завоевателям, в духе апокалиптических предчувствий, вызванных монгольским нашествием, то другие современники прямо указывали на русских, игравших заметную роль в боевых действиях. Наряду с половцами русские, несомненно, составляли значительную часть вспомогательных контингентов, которые по своей общей численности были сопоставимы или даже превышали численность основных монгольских армий. По данным русских летописей середины — второй половины XIII в., вспомогательные русские войска, набранные из жителей Галицкой и Волынской земель и возглавляемые местными князьями, регулярно принимали участие в военных кампаниях Монгольской империи и Улуса Джучи против Литвы, Польши и Венгрии, начиная со второй половины 1250-х гг. и особенно часто в 1270–1280-х гг.⁶⁷

⁶⁶ Szabó J. Az 1241. évi „tatáijárás” és Várad pusztulása az újabb kutatási eredmények tükrében // Nagyvárad és Bihar az Árpád-kor végén. Nagyvárad, 2016. O. 44. (Tanulmányok Biharország történetéről, 3).

⁶⁷ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846–847, 849–855, 871–874, 876–878, 881–882, 888–895, 897–900.

References

- Allsen T. *Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1987, 278 p.
- Bezzola G. A. *Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen*. Bern; München, Francke, 1974, 238 p.
- Biran M. Introduction. *Asiatische Studien — Études Asiatiques*, 2017, vol. 71, no. 4, pp. 1051–1057.
- Buell P. D. *Tribe, Qan, and Ulus in Early Mongol China: Some Prolegomena to Yuan History*. PhD thesis (History). [S. l.], University of Washington, 1977, 350 p.
- Doerfer G. *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen*, Bd. 3. Wiesbaden, Franz Steiner, 1967, 670 p.
- Font M., Barabás G. *Coloman, King of Galicia and Duke of Slavonia (1208–1241). Medieval Central Europe and Hungarian Power*. Leeds, Arc Humanities Press, 2019, 143 p.
- Hsiao S. *The Military Establishment of the Yuan Dynasty*. Cambridge, Harvard University Press, 1978, 318 p.
- Irgang W. Die Schlacht von Wahlstatt in der Darstellung des Jan Długosz. *Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen*. Würzburg, Bergstadtverlag Wilhelm Gottlieb Korn, 1991, pp. 109–116.
- Jackson P. *The Mongols and the Islamic World. From conquest to conversion*. New Heaven; London, Yale University Press, 2017, 614 p.
- Karpov A. Iu. *Batyi*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ, 2017, 348 p. (In Russian)
- Klopprogge A. *Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1993, 278 p.
- Labuda G. *Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII w. w Rocznikach Jana Długosza*. Poznań, Adam Mickiewicz University Press, 1983, 309 p.
- Maiorov A. V. Mongol'skoe zavoevanie Volyni i Galichiny: spornyie i nereshennye voprosy. *Rusin*, 2015, no. 1 (39), pp. 11–24. (In Russian)
- Maiorov A. V. Russkie zemli v fiskal'noi politike Munke. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 4, pp. 1033–1046. (In Russian)
- Maiorov A. V. The Mongol Conquest of Rus'. *The Mongol World*. London; New York, Routledge, 2022, pp. 164–182.
- Maiorov A. V. The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions. *Journal of Slavic Military Studies*, 2016, vol. 29, no. 3, pp. 473–499.
- Maiorov A. V. The Mongolian Capture of Kiev: The Two Dates. *Slavonic and East European Review*, 2016, vol. 94, no. 4, pp. 702–714.
- Maiorov A. V. The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon. *Journal of Ecclesiastical History*, 2020, vol. 71, no. 1, pp. 20–39.
- Maiorov A. V., Veselov F. N. Tysiatskii Dmitr do i posle padeniia Kieva. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2024 (forthcoming). (In Russian)
- Matuszewski J. *Relacja Długosza o najeździe tatarskim w 1241 roku*. Łódź, ŁTN, 1980, 141 p.
- May T. *The Mongol Art of War*. Barnsley, Pen and Sword Military, 2007, 224 p.
- Munkuev N. Ts. Zametki o drevnikh mongolakh. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 377–408. (In Russian)
- Papp Reed Z. *Matthew Paris on the Mongol Invasion in Europe*. Turnhout, Brepols, 2022, 470 p.
- Sinor D. Un voyageur du treizième siècle: Le Dominicain Julien de Hongrie. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1952, vol. 14, pp. 589–602.
- Szabó J. *A tatárjárás. A mongol hódítás és Magyarország*. Budapest, Corvina, 2007, 204 p.
- Uzelac A. *Od Urala do Tsarigrada. Mongolski pohod na Evropu (1236–1243)*. Beograd, Istorijski institut, 2023, 413 p. (In Serbian)

Статья поступила в редакцию 19 октября 2023 г.

Рекомендована к печати 10 апреля 2024 г.

Received: October 19, 2023

Accepted: April 10, 2024